

**О.А. Сулейманова,
Московский городской
педагогический университет**

**УЧЕТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КОММУНИКАЦИИ
В РУССКО-АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ:
ЛОГИКА ПЕРЕВОДЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ**

Рассматриваются сложившиеся в силу культурно-исторических условий русско- и англоязычные особенности коммуникации, сформировавшиеся в системе языка структурно-релевантные особенности, определяемые аналитическим и синтетическим строем языка, выявляются зоны конфликтов как комбинация действия факторов культурно-исторического развития нации и строя языка, предлагается обоснование переводческих стратегий.

Ключевые слова: перевод, английский язык, русский язык, отглагольные существительные, формирование национального языка.

**O.A. Suleimanova,
Moscow City University**

**RUSSIAN VS ENGLISH COMMUNICATION
IN HISTORICAL PERSPECTIVE AND LOGIC OF TRANSLATION**

The paper focuses on communication patterns in Russian and English originated from their historical and cultural past related to the religious traditions to a great extent as these traditions were strongly supported and pursued at the time when national languages were being formed. These cultural-historical factors prompt translators' choice in rendering Russian deverbal nouns into English.

Keywords: translation, Russian language, English language, verbal nouns, communication specifics.

Стремление связать ментальность народа и национальный язык эвристически значимо, поскольку позволяет системно «увязать» язык и ментальность, увидеть за кажущейся метафизичностью языковых средств некое логическое обоснование, выстроить модель взаимодействия языка и *духа народа* (В. фон Гумбольдт) с высокой описательной силой.

Особенности русско- и англоязычной коммуникации в значительной степени определяются ролью религиозно-культурных традиций, господствовавших в периоды формирования национальных языков. Так, протестантская традиция, опирающаяся на проповедь и в сущности на импровизацию – пусть и тщательно подготовленную и продуманную, но все же свободную и в выборе темы, и в репертуаре языковых средств [1], отлична от православной, опирающейся на канон как в сути службы, так и в выборе языковых средств, полностью на основе старославянского языка, отчетливо книжного [2]. Как следствие, в русском языке утверждается примат письменно-книжной традиции, радикально отличной от повседневного дискурса. При этом в рамках письменно-книжной традиции, восходящей к церковнославянскому языку, существует и светский деловой, публицистический и даже повествовательный стиль. Как отмечал Г.В. Лудольф, «для русских знание славянского языка необходимо, так как не только священное писание и богослужебные книги у них существуют на славянском языке, но, не пользуясь ими, нельзя ни писать, ни рассуждать по вопросам науки и образования» (цит. по [2; 5-6]).

Вторая половина XVII в. приходится на распад церковнославянского языка и постепенную утрату им повсеместного влияния на фоне роста юго-западного и западноевропейского, преимущественно латинского и польского влияния, на русскую литературную речь. Петровская эпоха отмечена усилением официально-правительственного, канцелярского языка, сопровождающегося заимствованиями, в которых не было практической нужды, но они несли отпечаток новизны и привлекали как мода [2, с. 51, 59], что облегчало процесс освоения внешних заимствований и политехнизацию языка.

В начале XVIII в. осознается сложность языковой ситуации и наличие отчетливого разрыва между книжно-канцелярской и разговорной традицией, что проявляется в стремлении ученых поставить вопрос о статусе языка и о регламентации языковых процессов (ср. учение М.В. Ломоносова о трех стилях). В итоге имеет место синтез социально-языковых стихий и определение путей последующего развития русского языка у А.С. Пушкина: это церковнославянизмы, европеизмы (преимущественно французские), элементы живой русской речи [2, с. 228-234]; закрепляется тенденция к инкорпорации старославянского, книжного и заимствованного вокабуляра, наряду с разговорной традицией. В период становления демократической мысли и доминирования журнально-публицистической и научно-популярной речи идет обогащение новой лексикой, границы литературного языка расширяются в сторону разных

специальных языков [2, 392], владение которыми считается престижным маркером социального положения говорящего.

Таким образом, одним из определяющих факторов своеобразия русского дискурса служит исторически и культурно-обусловленное резкое разграничение устной и письменной форм коммуникации (что коррелирует с противопоставлением официальной и неофициальной форм коммуникации): частотность книжной, абстрактной лексики как маркер высокой образованности, отражает традиционный пиетет по отношению к образованию и книжности в русской культурной модели.

В данной работе рассмотрены отглагольные абстрактные слова как носители вторичной предикативности *заклучения (соглашения)* и стратегии их перевода на английский язык, которые направлены на устранение редуцированной предикативности и на разворачивание ее в полноценную предикативность, то есть глагол-предикат [3], ср., например: «*Пока не вполне ясны причины падения курса евро – Wedonotknowyetwhytheeuro (exchangerate) fellsdramatically*», где отглагольное существительное разворачивается в предикат в составе придаточного предложения образа действия.

Данная стратегия обусловлена особенностями англоязычной коммуникации, а именно: в период становления национального языка «XVII век вообще был веком ярчайшего расцвета проповеди на английском языке, причем проповеди не только пуританской» [4, с. 21-22], при этом благодаря парламентской форме правления и развитию общего права большое значение придавалось речам, произносимым в суде, и произнесенное слово играло значительную роль [1, с. 393-394].

Устное слово получает еще большую значимость уже на американском континенте, в силу усиления влияния церкви и, соответственно, роли проповедников, когда разговорный язык начинает занимать особое место, и «оратору принадлежала почти мифическая роль» [1, с. 393]; при этом образование также приобретало ораторский характер, поскольку среди преподавателей в новых колледжах преобладали священники [1, с. 401; 4, с. 588] и риторика оставалась основным предметом в американском образовании (так, лекции по риторике шотландского священника переизданы в Америке 37 раз [5, с. 589]); «в наметившемся противостоянии печатного и устного слова решительно возобладал социальный статус последнего [4, с. 18], и даже в основу литературы легла разговорная речь [1, с. 392]. Пуритане выработали манеру проповедовать, которая стала известна как «простая»: проповедник должен избе-

гать цитат на иностранных языках, проповедь должна быть доходчивой, а аргументы убедительными [4, с. 21], в учебниках по английской стилистике рекомендуется избегать заимствований и ученой лексики (avoidforeignlanguages [6, с. 76]) и в целом книжный стиль.

В ряде случаев русские отглагольные существительные в составе именной группы (ИГ) передаются в английском переводе прилагательными, опускаются; например, параметрические существительные, обозначающие изменение качества и количества или появление нового объекта: *рост, падение, ухудшение, появление* при переводе передаются сравнительной степенью прилагательного, причастием, ср.: «Частые простуды ведут к снижению иммунитета – *weakerimmunity*. Ослабление курса рубля делает нас уязвимыми для зарубежных конкурентов – *lowerexchange rate*». Указание на величину изменения (на 5 %) или оценки величины изменения *резкий рост* при переводе сохраняется: *dramaticdecline, a 50 % drop. Росту производительности на 10 % способствовало сокращение рабочего дня – 10 % productivitygrowth*. Существительные *появление, возникновение* в составе ИГ передаются прилагательными *new, further, another, emerging*: *Заккрытие границ влечёт за собой возникновение серьезных трудностей*. Девербативы могут быть семантически «пустыми» и не нести релевантной информации и, как правило, не воспроизводятся в языке перевода: *проведение церемонии займет один часа – Theceremony* [3; 7]. Особого внимания заслуживают конструкции с опорными словами-обозначениями времени, места, причины: *нам неизвестны время и место проведения* [8].

Таким образом, логика переводческого решения определяется сложившимися в ходе национального развития структурными особенностями языковых систем и установлением системных корреляций между ними [9].

Список литературы:

1. Д. Бурстин. Американцы. Национальный опыт. М., 1992.
2. В.В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. М., 1938.
3. Грамматические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. вузов / О.А. Сулейманова, Н.Н. Беклемешева, К.С. Карданова, Н.В. Лягушкина, В.И. Яременко. М.: «Академия», 2010. 240 с.
4. Бурстин Д. Американцы. Колониальный опыт. М., 1993.
5. Бурстин Д. Американцы. Демократический опыт. М., 1993.

6. W. Strunk Jr., White E.B. The Elements of Style. Fourth Edition. Allyn & Bacon. Massachusetts. 2000.

7. Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса / О.А. Сулейманова, К.С. Карданова-Бирюкова, Н. В. Лягушкина [и др.]. М. : Ленанд, 2015. 272 с.

8. Сулейманова О.А., Яременко В.И. Выстраивание когнитивной перспективы в переводе: базовые категории познания *время, причина и место* // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 754-758.

9. Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу / О.В. Афанасьева, К.М. Баранова, Н.В. Барышников [и др.]. М.: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ВКН, 2021. 328 с.